

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА ОСНОВЕ ПОТЕНЦИАЛА ПРОАКТИВНОСТИ КРУПНОГО БИЗНЕСА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-43-53

УДК 338.24

Гонтарь Николай Владимирович

*ведущий научный сотрудник Высшей школы бизнеса Южного федерального университета,
кандидат географических наук, доцент*

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, e-mail: passat01@mail.ru

Сапожникова Анна Геннадьевна

*доцент кафедры «Инженерная защита окружающей среды» Донского государственного
технического университета, кандидат экономических наук*

344006, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, e-mail: ann_sapozhnikova@mail.ru

В статье рассматривается новый подход к трактовке и структурированию экономической модернизации как процесса, реализуемого посредством потенциала адаптивности и проактивности, присутствующего предпринимательству и, в частности, крупному бизнесу. Ввиду этого предпринята попытка структурирования взаимосвязей проактивности и модернизации, исследованы риски, региональные проекции процесса на основе опыта Промышленного союза «Новое Содружество» и его глобально-го подразделения — комбайнового завода «Ростсельмаш».

Цель. Исследовать взаимосвязи проактивности и модернизации (с учетом потенциала модернизации посредством проактивных стратегий бизнеса).

Задачи. Проанализировать специфику и обосновать принципиальную значимость компетенций крупного бизнеса в реализации модернизационных стратегий в общеэкономическом масштабе.

Методология. При использовании методов системно-структурного анализа и структурирования процесса модернизации, а также с учетом теории проактивности, теории бюрократии и региональной экономики, выводов бизнес-аналитики показано, что полноценная реализация модернизационных векторов в экономике возможна на базе полиформатного применения компетенций, потенциала и ресурсов крупного бизнеса как реализующего в своей деятельности модернизационные принципы.

Результаты. По итогам рассмотрения традиционных факторов и новационных трендов обоснована трансформация современного содержания модернизационных процессов. Показано, что проактивность является механизмом модернизации в условиях современных глобальных процессов. Охарактеризованы структура и содержание проактивной деятельности рыночных компаний, представлен сравнительный анализ проактивности, реактивности в деятельности рыночных агентов и государственного сектора. Представлен анализ сопряженности проактивной деятельности корпораций и направлений региональной модернизации (на примере глобального бизнеса комбайнового завода «Ростсельмаш»). Результаты исследования могут быть использованы на региональном уровне при трансформации подходов к формулированию, структурированию приоритетов и механизмов политики модернизации, разработке документов, регулирующих модернизационные трансформации; выработке мер вовлечения крупного бизнеса в процессы стратегирования и программирования.

Выводы. Доказано, что крупный бизнес обладает уникальными и невоспроизводимыми в рамках государственного управления качествами и компетенциями реализации модернизационного поведения. Ввиду этого политика модернизации должна включать систему мер благоприятствования бизнесу (среди них — защита прав собственности, свобода торговли, рост доверия в экономике) как носителю модернизационных компетенций. Данный подход должен сопровождаться переносом центра тяжести государственной политики на формирование условий реализации модернизационных стратегий крупного бизнеса и на общероссийском и на региональном уровне.

Ключевые слова: экономическая модернизация, региональное развитие, государственная политика, регион, ТНК, бизнес.

Для цитирования: Гонтарь Н. В., Сапожникова А. Г. Модернизация экономики России на основе потенциала проактивности крупного бизнеса: концептуальная модель // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 43–53. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-43-53.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-010-00236.

MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY BASED ON THE PROACTIVE POTENTIAL OF BIG BUSINESS: A CONCEPTUAL MODEL

Nikolay V. Gontar'

Southern Federal University

Pushkinskaya St. 160, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: passat01@mail.ru

Anna G. Sapozhnikova

Don State Technical University

Gagarin Sq. 1, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: ann_sapozhnikova@mail.ru

The presented study examines a new approach to the interpretation and structuring of economic modernization as a process implemented by means of the adaptive and proactive potential of entrepreneurship and big business in particular. In this regard, the authors attempt to structure the relationship between proactivity and modernization, to examine risks and regional projections of the process based on the experience of the Novoye Sodruzhestvo Industrial Union and its global unit, Combine Plant Rostselmash.

Aim. The study aims to examine the relationship between proactivity and modernization in the context of the implementation of a multi-pronged adaptive strategy by means of proactivity.

Tasks. The authors analyze the foundation and determine the fundamental significance of the competencies of big business as an actor in the implementation of modernization strategies on an economy-wide basis.

Methods. This study uses systemic and structural analysis and structuring of the modernization process, taking into consideration the theory of proactivity, theory of bureaucracy and regional economy, and results of business analytics to show that full implementation of modernization vectors in the economy is possible through multi-format application of the competencies, potential, and resources of big business implementing modernization principles in its activities.

Results. The transformation of the current content of modernization processes is substantiated based on the results of consideration of traditional factors and innovation trends. Proactivity is shown to be a modernization mechanism in the context of modern global processes. The structure and content of the proactive activities of market companies are characterized, providing a comparative analysis of proactivity and reactivity in the activities of market agents and the public sector. The correlation between proactive corporate activities and the directions of regional modernization is analyzed through the example of the global business of Combine Plant Rostselmash and the Rostov region as its home region. The results of this study can be used at the regional level in the transformation of approaches to formulating and structuring the priorities and mechanisms of the modernization policy, developing documents regulating modernization transformations and measures aimed at engaging big business in strategizing and programming processes.

Conclusions. The study proves that big business has unique qualities and competencies for the implementation of modernization behavior, which are non-reproducible within the framework of public administration. Thus, the modernization policy should include a set of measures to promote business (including protection of property rights, freedom of trade, increased confidence in the economy) as the bearer of modernization competencies. This approach should be accompanied by a shift in the focus of the government policy towards creating conditions for the implementation of the modernization strategies of big business at the national and regional levels.

Keywords: *economic modernization, regional development, government policy, region, TNC, business.*

For citation: Gontar' N. V., Sapozhnikova A. G. Modernization of the Russian Economy Based on the Proactive Potential of Big Business: a Conceptual Model. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):43–53. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-43-53.

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-010-00236.

Введение

Современные проблемы модернизации отечественной экономики обусловлены неоднозначностью стратегий позиционирования в условиях роста глобальной конкуренции и трансформации внешних вызовов. В российском научном дискурсе достигнут консенсус в отношении целей трансформации экономики, что

выражено в таких ориентирах, как сокращение сырьевой зависимости, повышение инновационности производства, пространственная сбалансированность развития. Вместе с тем дискуссионность подходов к практической реализации российской модернизации сопровождается постепенным огосударствлением банковского сектора (ростом относительной доли госбанков), технологических производствен-

ных активов (в рамках таких государственных корпораций, как «Ростех», «Объединенная судостроительная корпорация», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Росатом», «Роснано») при одновременной концентрации частных корпораций на добыче и экспорте сырья (лидерами среди крупнейших отечественных компаний РБК-списка 500 [1] являются три сырьевые компании, в частности Газпром, Лукойл, Роснефть, с суммарной выручкой свыше 17 трлн руб.).

В целом сегодня государство наделяется функцией ключевого фактора процесса модернизации, а бизнес рассматривается преимущественно как источник налогов для реализации государственных программ. В то же время усиление значимости таких долгосрочных трендов глобального развития, как инновационность, открытость, опора на развивающиеся институты, актуализирует и поиск подходов к трактовке современных форматов модернизации, и формирование адекватного им представления о роли государства и бизнеса в достижении приоритетов модернизации.

В связи с этим обоснована возможность трактовки модернизации как процесса, аттрактор которого в современном динамичном мире превращается в постоянно меняющийся концепт. В итоге потребность в модернизации (и сам процесс) обуславливает определение модернизации не столько как краткого (в сравнении с трендом) процесса качественного перехода, сколько как процесса реализации динамических свойств системы, позволяющих ей адаптироваться к перманентным трансформациям, а также инициативно продуцировать эти трансформации в ходе глобальной конкуренции. Ввиду этого в статье предпринят анализ (на основании представлений о закономерностях государственного регулирования, теоретических подходов к пониманию адаптивности и проактивности как имманентных качествах предпринимательства) сравнительного потенциала государства и бизнеса (крупных компаний) в достижении целей модернизации, исследуются региональные проекции деятельности крупного бизнеса в контексте темы статьи.

Методологические предпосылки исследования

Теоретико-методологической основой исследования послужили фундаментальные положения теории модернизации, а также теории государственного управления, концепция проактивности и адаптивности в деятельности бизнеса. Традиционно представление о процессах модернизации экономики развивалось в классической теории модернизации такими авторами, как М. Леви, Т. Парсонс, У. Ростоу,

П. Штомпка, за которыми последовали неоклассические теории Г. Мюрдаля, А. Франка, Ш. Эйзенштадта. Понятие модернизации генетически связано с формулировками понятия «развитие», которое трактовалось (в частности, в работах А. Кругера, Г. Мюрдаля [2], Х. Томаса) как улучшение уровня и качества жизни, рост уровня доходов. Одновременно признается и вариант трактовки развития (например, Р. М. Нуреев, Г. Арндт) как многомерного процесса.

Теория модернизации описывает трансформацию отсталых обществ в направлении развитых экономик (движение периферии в направлении полупериферии, догоняющее развитие). Наиболее существенный вклад в такого рода трактовки модернизации внесли М. Леви [3], Д. Лернер [4], У. Ростоу [5] (модернизация понималась как копирование опробованных стандартов). Естественным развитием теоретических представлений в дальнейшем стало формирование идеи многообразия модернизационных путей (в работах Ш. Эйзенштадта, А. Г. Франка, Р. Ставенхагена, Г. Мюрдаля и других). В неоклассической теории (Э. Аллард [6], Э. Гидденс [7], А. Неклесса [8]) уделялось значительное внимание и сопутствующим экономике аспектам модернизации общества, включая институциональные аспекты и проблему инноваций.

Специфика подходов к поиску модели модернизации в России состояла в долгом процессе выработки стратегии модернизации, которая одновременно оказывалась на периферии внимания системы управления в ситуации благоприятной сырьевой конъюнктуры. Однако сегодня наблюдается устойчивость приоритетов модернизации. Так, А. Л. Кудрин считает приоритетными модернизацию общества и общественных институтов как инструмента стабильности, роста доверия и инвестиций. Е. Г. Ясин акцентирует внимание на значении для России инновационного и кадрового обновления экономики, что предполагает и создание условий в обществе для реализации этой стратегии [9].

Роль крупного бизнеса оценивается как крайне существенная в контексте предложенного понимания модернизации как процесса адаптации к перманентным трансформациям и продуцирования таких трансформаций (значимых для конкурирующих систем), поскольку предпринимательский сектор (включая крупные корпорации) максимально реализует адаптивность и проактивность, позволяющие достигать модернизационные приоритеты. Новые черты функционирования и стратегий поведения современного крупного корпоративного капитала (в национальных и региональных экономиках) рассматриваются как значимый

аспект модернизации в работах С. Б. Авдашевой [10], Т. Г. Долгопятовой [11], А. В. Кузнецова [12], Я. Ш. Паппэ [13], А. Д. Радыгина [14] и других исследователей. В связи с этим существенны для исследования подходы к анализу проактивности, а также вопрос реализации соответствующих качеств в рамках государственного сектора и в деятельности бизнеса (крупных корпораций).

Компетенции крупного бизнеса в реализации приоритетов модернизации

Осуществление приоритетов модернизации как процесса адаптации и проактивного поведения в отношении реализующихся или перспективных трансформаций предполагает опору на проактивные стратегии, применение которых способствует формированию позиций предпринимательского сектора как значимого фактора социально-экономического роста и развития. Проактивные стратегии максимально эффективны как ответ на рост конкуренции, фрагментацию рынков, технологические вызовы, повышение требований к качеству продукции, ситуацию неопределенности (основными источниками которой являются потребители, конкуренты, технологии и ресурсы) [15].

Возникновение представлений о проактивности связано с работами В. Франкла [16], С. Кови [17]; анализу дихотомии проактивности-реактивности посвящены работы Г. Олпорта [18]. Ряд ученых анализируют проактивность как инструмент не только развития, но и достижения организационной гибкости [15] и конкурентоспособности [19; 20]. На макроуровне проактивность приписывается экономической и внешнеполитической стратегии государств [21]. Проактивность, составляя основу наиболее успешных конкурентных стратегий, служит и механизмом модернизации, за счет того, что предполагает ориентацию на результат, инициативную идентификацию и использование возможностей, превентивное действие против потенциальных угроз, в противоположность реактивному поведению по решению возникших проблем [22]. Согласно мнению S. K. Parker [23], проактивность формируется инициативным действием, предсказанием и предотвращением проблем, расширением возможностей посредством самостоятельных усилий.

Проактивность можно обозначить как инвариантное свойство предпринимательской (рыночной) активности (вместе с тем доминирующее в меньшей части, однако с участием наиболее активных рыночных субъектов различного уровня — от малых и средних предприятий до транснациональных корпораций). Проактивность концентрирует деятельность

компаний на ряде векторов развития, принципиально важных для динамической конкуренции, формируя соответствующие направления модернизации сектора производства и услуг. Такие векторы, с одной стороны, отвечают актуальным сдвигам макроусловий, позволяя предвидеть и упреждать привходящие модернизационные импульсы, с другой — создавать инициативные стратегии, которые могут сами по себе формировать модернизационные сдвиги, стимулируя прогрессивные изменения в деятельности других субъектов.

Таким образом, проактивность выступает не только механизмом позиционирования ряда компаний, но и инструментом модернизационной трансформации качества экономики в ходе постепенного накопления соответствующих эффектов. При этом создание условий для реализации проактивного поведения компаний можно рассматривать как инструмент формирования модернизационного потенциала экономики в целом. Вместе с тем с учетом значимости не только в переходных, но и в так называемых рыночных экономиках масштабного государственного сектора (в виде производственных активов и в виде занятости в государственном секторе, регулирования экономики, государственного заказа и пр.) актуальным остается вопрос о дифференциации потенциала проактивности в зависимости от субъектности процесса, в частности, в рамках государственного сектора и бизнеса (в том числе крупного, как имеющего наиболее мощные рычаги формирования собственных стратегий, а также потенциал влияния на решения, принимаемые государством).

Государственный аппарат и административное регулирование характеризуются в целом реактивным подходом к деятельности. Основа его — в личностных мотивах бюрократии, относительно которой Дж. Бьюкенен отмечал [24] приоритет попадания во властные структуры и доминирование краткосрочных стратегий. Кроме того, в рамках государственного распределения существуют факторы, дестимулирующие проактивное поведение, ориентированное на рынок. Так, ввиду возможности получения ресурсов посредством распределения [25] деятельность государственного сектора не обусловлена конкуренцией. Кроме того, возможность использования бюджетных ресурсов посредством механизма субсидий формирует альтернативную производству возможность обогащения и для бизнеса, что создает так называемую *погоню за рентой*, дестимулируя повышение рыночной эффективности.

Выстраивание проактивных стратегий в рамках государственной системы управления затруднено также факторами низкой компетентности персонала, отсутствия стимулов и

возможностей реализации инициативных инноваций в деятельности. Так, низкая компетентность является функцией отсутствия конкурентного отбора кадров. К этому добавляется коррупция и вероятность того, что группы с особыми интересами могут влиять на принятие решений относительно регулирования в своих интересах. Отсутствие стимулов проактивности обусловлено и отсутствием конкуренции в рамках бюрократической системы, ее работой в рамках регламентов.

Государственное предпринимательство не может формировать импульсы проактивности ввиду ориентации на эффективность в аспекте прежде всего административной (а не рыночной) системы, что в сочетании с опорой на субсидии дестимулирует поиск путей конкуренции. Наряду с этим административное регулирование выступает фактором, формирующим (ограничивающим) потенциал реализации проактивных стратегий субъектами рынка. Многоаспектное регулирование (цен, объемов и параметров производства, обменов внутри страны и за ее пределами) ограничивает гибкость принятия решений компаниями, что сокращает варианты построения проактивных стратегий. Так, регулирование цен не позволяет верно оценить потребительский спрос, субсидирование искажает структуру спроса на производственные активы, а регулирование ВЭД деформирует предложение на внутреннем рынке передовых технологий и инноваций. Мощными каналами ограничения потенциала реализации проактивных стратегий бизнеса выступают налоговый механизм, ограничения миграции и, таким образом, предложения труда, стандарты и лицензирование, избыточная отчетность и реализация контролирующих функций государственными инстанциями, что формирует финансовые и временные издержки бизнеса.

В целом административное регулирование экономики не только деформирует деятельность рыночного сектора, но и влияет на стимулы его проактивного поведения, а соответственно, и на потенциал модернизации экономики. Исследуя вопрос о структурировании проактивных векторов, которые являются инструментами создания и реализации модернизационных стратегий, следует обозначить следующий спектр таких векторов: создание, поиск и внедрение инноваций, в том числе с привлечением научного обеспечения, создание, поиск и расширение рынков сбыта, пространственная экспансия, внимание к проблеме кадрового обеспечения, в том числе сохранение кадров в ситуации кризиса, совершенствование продуктовой линейки (предложения товаров и услуг), в частности посредством взаимодействия с клиентами.

В России наибольшим потенциалом реализации проактивных стратегий располагают крупные компании, которые формируют существенную долю в структуре экономики, обеспечивая приоритетные потоки налоговых поступлений (согласно данным Федеральной налоговой службы (ФНС) РФ, крупный бизнес обеспечивал до 3/4 налогов и сборов во все уровни бюджета РФ [26]), внешнеэкономического взаимодействия, занятости и формирования региональных экономических трендов. Так, суммарная прибыль только первых 10 из 500 крупнейших компаний России в 2018 г. превысила 3,2 трлн руб. (при этом выручка этих же компаний находилась у отметки 26 трлн руб.) [1].

В нашем государстве крупным компаниям принадлежит значимая роль в межрегиональной интеграции и интеграции экономического пространства в целом, чему способствует локализация подразделений общероссийских компаний транспорта, связи, банков, инфраструктурных компаний в регионах. Наиболее ярким примером консолидирующей роли компаний крупного бизнеса в России являются ПАО «РЖД», ПАО «Газпром», ПАО «Сбербанк», телекоммуникационные компании («большая тройка», а также «Ростелеком»), компании добывающего сектора, металлургии и химии, немало компаний в сфере АПК и машиностроения (за счет широкого круга поставщиков, смежников и потребителей в большом числе регионов).

Влияние подобного рода интеграции на межрегиональную связность имеют, например, компании АПК. Так, в двух наиболее развитых аграрных регионах РФ (Ростовской области и Краснодарском крае) соответствующие субъекты демонстрируют примеры институциональной интеграции бизнеса: например, ростовский холдинг «Степь» имеет четыре молочно-товарные фермы в Краснодарском крае (с объемами производства 40 тыс. т молока в год в дополнение к ростовским площадкам); краснодарская фирма «Агрокомплекс», имеющая подразделения на Дону; «Агроконцерн Каневской» (25 хозяйств в 13 районах Краснодарского края), несмотря на краснодарскую «прописку», входит в аграрный бизнес ростовского многопрофильного концерна «Покровский» (как и «Агрофирма «Должанская»»).

Формирование и реализация проактивных модернизационных векторов развития (на примере ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш»»)

Крупные производственные компании, располагая потенциалом проактивности и значимым влиянием на региональные процессы, форми-

ругают круг факторов модернизации экономики. При этом следует учитывать, что лишь 15 % компаний проявляют проактивные стратегии. Кроме того, лишь часть из них обладает широкими связями, ввиду чего оказывает модернизационное влияние на макроэкономику. Пример компании такого рода — ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш»», входящий в структуру Промышленного союза «Новое Содружество» (наряду с компаниями KLEVER, «Эмпилс», «Сельмашбанк», Buhler Industries Inc., «КОНОРД»).

Сегодня комбайновый завод (КЗ) «Ростсельмаш» включает в себя 13 предприятий, расположенных на 10 производственных площадках в пяти странах. Продуктовая линейка насчитывает более 150 моделей и модификаций 24 типов техники (зерно- и кормоуборочных комбайнов, тракторов, опрыскивателей, кормозаготовительного и зерноперерабатывающего оборудования и др.). Анализ долгосрочной практики деятельности КЗ «Ростсельмаш», особенно после прихода на завод в 2000 г. стратегического инвестора — Промышленного союза «Новое Содружество», демонстрирует спектр стратегий, которые могут быть охарактеризованы как проактивные. Развитие компании совпало с качественной трансформацией места и роли АПК в глобальном позиционировании России, что отражено в динамике экспорта продукции комплекса с начала 2000-х гг. Так, к 2018 г. экспорт сельскохозяйственной продукции (с доминированием зерновых) Россией составил 25,8 млрд долл. В системе целей майского Указа Президента РФ [27] планируется достижение к 2024 г. объема экспорта продукции АПК на уровне 45 млрд долл., основой чего должны стать модернизационные процессы, в том числе в сельскохозяйственном машиностроении.

В деятельности КЗ «Ростсельмаш» присутствует спектр стратегий, обладающих проактивным характером и сопряженных с модернизацией широкого круга сфер деятельности, что обеспечивает не только конкуренцию в России, но и на мировом рынке. Всего по состоянию на конец 2018 г. продукция КЗ «Ростсельмаш» поставляется в 50 стран мира, действуют глобальные логистические хабы, товаропроводящая и сервисная сеть насчитывает более 500 единиц [28]. Доля рынка техники КЗ «Ростсельмаш» в нашей стране составляет более 70 %, в мире — 17 % рынка уборочной агротехники. КЗ «Ростсельмаш» поставляет машины в 39 стран мира, являясь основным поставщиком агротехники для АПК России [28].

Компания имеет подразделения на территории России, Украины, США, Канады и Казахстана, производит 24 типа сельскохозяйственной техники, более 150 моделей и

модификаций (зерноуборочную, кормоуборочную и почвообрабатывающую технику, опрыскиватели и протравители семян и т. д.). КЗ «Ростсельмаш» — единственный в мире производитель роторных комбайнов. В 2017 г. продажи существенно выросли, практически до 13,4 тыс. единиц сельхозтехники, в том числе за счет бюджетной поддержки спроса. На предприятии занято около 10 тыс. человек [29]. В рейтинге 500 крупнейших компаний КЗ «Ростсельмаш» занимает 187 место (2018 г.) с показателями выручки 64 млрд руб. (рост г/г 18 %) и прибыли — 12 млрд руб. [1].

Два проекта компании «Ростсельмаш» включены в «Губернаторскую сотню» (проект поддержки инвестиций в Ростовской области). В инвестиционном паспорте Ростова-на-Дону структуры группы компаний (ГК) «Новое Содружество» («Ростсельмаш» и «Эмпилс») отнесены к ведущим предприятиям промышленности. В 2015 г. Ростовская область подписала соглашение о сотрудничестве с Федеральным фондом развития промышленности, который предлагает льготные условия софинансирования проектов разработки новой высокотехнологичной продукции, техническое перевооружение и создание конкурентоспособных производств.

В рейтинге лидеров по производительности труда в машиностроении «Производительность труда: Лидеры промышленности России–2015» КЗ «Ростсельмаш» уверенно занял 24-ю позицию, пропустив вперед в основном авиастроительные корпорации. Характеризуя соотношение векторов развития с направлениями проактивной деятельности на рынках, можно представить широкий спектр соответствующих видов активности, который находит отражение в таблице 1.

ГК «Новое Содружество» активно вовлечена во взаимодействие с системой управления федерального и регионального уровней. С 2014 г. глава ГК «Новое Содружество» К. Бабкин является сопредседателем Московского экономического форума. На федеральном уровне взаимодействие осуществляется с участием Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ, Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, при проведении выставок, форумов федерального уровня, в условиях партнерства с общественными организациями и институтами. К. Бабкин возглавляет «Союзагромаш» — союз производителей сельхозтехники и оборудования для АПК. Модернизационное воздействие стратегий КЗ «Ростсельмаш» на региональную динамику региона базирования ключевых активов (в Ростовской области) является отражением его проактивной стратегии, как видно из таблицы 2.

С учетом значимости компании не только для региона, но и для российской экономики

Векторы проактивности в политике КЗ «Ростсельмаш» (составлено по материалам исследования и данным КЗ «Ростсельмаш» [28])

Векторы проактивности	Отражение в политике КЗ «Ростсельмаш»
Создание, поиск и внедрение инноваций, в том числе с привлечением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР)	Внедрение качественно новых линеек продукции, технологий производства и управления. Серийное производство машин семейства ACROS (уникальные, «родовые» технологии Smart Launch, Jam Control, Adviser) — 2007 г. Глобальная платформа для открытия производства плеяды новых агромашин (первая модель — зерноуборочный комбайн RSM 161) — 2014 г. Доступ к системе дистанционного мониторинга и контроля Agrotronic (разработка «Ростсельмаш») — в 2017 г. Создание беспилотного комбайна, апробация системы интерактивной помощи оператору в подборе оптимальных настроек комбайна
Создание, поиск и расширение рынков сбыта	В 2005 г. в Париже (SIMA) представлено инновационное роторное молотильно-сепарирующее устройство с полностью вращающейся декой. В 2018 г. два мировых рекорда производительности тракторов КЗ «Ростсельмаш» (RSM 2000 и RSM 1000). Презентация машин второго поколения TORUM. Новые электронные системы RSM Explorer и RSM OptiMax. Существенный рост экспорта в 2018 г. Участие в международных выставках «ЮГАГРО», «Казагро» (Казахстан), выставка CIAME (Китай), выставка «Молдагротех» (Молдавия, Кишинева), AGRO SHOW (Польша), международная выставка Agro Planta (Румыния)
Пространственная экспансия	С 2007 г. — приобретение активов производителя сельхозтехники Buhler Industries Inc. (Канада). Начало производства тракторов, премьера бренда VERSATILE. В 2009 г. — включение в состав КЗ «Ростсельмаш» площадок по производству опрыскивателей (Канада), производству оборудования для перегрузки, переработки и хранения зерна (США). В 2011 г. — приобретение производства техники для сева и почвообработки (Канада). Формирование полного круга техники для всего цикла агротехнических работ
Внимание кадровому обеспечению, в том числе сохранение кадров в ситуации кризиса	Участие в программе «Образование». С 2012 г. КЗ «Ростсельмаш» снабжает вузы учебными материалами, оборудует аудитории по последним требованиям учебного процесса, предоставляет сельхозтехнику для проведения практических занятий, выплачивает стипендию и организует стажировки обучающихся
Совершенствование продуктовой линейки (предложения товаров и услуг), в том числе посредством взаимодействия с клиентами	С 2004 г. — внедрение семейства зерноуборочных машин VECTOR. В 2008 г. — выпуск прицепной и навесной техники для кормозаготовок, в том числе для переработки и хранения зерна. В 2009 г. — старт производства новых семейств самоходных агромашин: роторных зерноуборочных комбайнов TORUM (первое поколение), кормоуборочных — серии RSM 1401, универсальных косилок KSU. В 2016 г. — выход кормоуборочных машин на основе глобальной платформы (RSM F 2650) — старт семейства машин RSM F. В 2017 г. введен в строй новый тракторный корпус, развернут полный цикл производства тракторов (модель RSM 2375); релиз новых машин компакт-класса NOVA. Старт производства широкозахватных адаптеров (более 12 м)

в целом КЗ «Ростсельмаш» формирует ряд линий взаимодействия с федеральными и региональными органами управления. Соответствующее взаимодействие отражает обоюдную заинтересованность. Так, со стороны системы управления на макроуровне существенен интерес к стабильности обеспечения техникой АПК широкого круга регионов; на региональном уровне — обеспечение стабильности рынка труда и формирование инновационных элементов структуры экономики.

ГК «Новое Содружество» заключены соглашения о стратегическом сотрудничестве с правительствами регионов, министерствами сельского хозяйства. Представители группы компаний постоянно принимают участие в выставках, форумах регионального уровня. Если в регионах (в частности, в Ростовской области) наблюдается влияние на расширение

продуктовой линейки, формирование спроса на квалифицированные кадры, рост взаимодействия с вузами региона, то на федеральном уровне КЗ «Ростсельмаш» принадлежит ключевая роль в модернизации парка сельскохозяйственных машин широкого круга компаний. Важно также, что программа сбыта реализуется с помощью субсидий государства (через АО «Росагролизинг»). Так, в 2018 г., согласно информации компании, тракторы КЗ «Ростсельмаш» моделей RSM 2 375 и RSM 2 400 стали дешевле для сельского хозяйства (в зависимости от модификации) на 389–562 тыс. руб. Компания распространяет программу сокращения стоимости техники на участников программ «Федеральный лизинг» и «ПП РФ 1 432 через АО «Росагролизинг» [28].

В целом сотрудничество завода и АО «Росагролизинг» позволило поставить в регионы

Проекция проактивных стратегий КЗ «Ростсельмаш» на модернизационные тренды развития базового региона — Ростовской области (составлено по материалам исследования и данным КЗ «Ростсельмаш» [28])

Сфера реализации проактивных стратегий	Деятельность в регионе	Следствие для модернизации региональной экономики
Создание, поиск и внедрение инноваций, в том числе с привлечением научного обеспечения	Внедрение новых технологий. Интеграция с вузами региона в создании инновационной продукции. Реализация совместных программ обучения, обмен кадрами и институциональная интеграция (договорная практика) подразделений вузов и производственных структур. КЗ «Ростсельмаш» — официальный технический партнер WorldSkillsRussia — национального чемпионата «Молодые профессионалы». КЗ «Ростсельмаш» организует всероссийский студенческий конкурс инновационных технологий аграрного машиностроения (СКИТАМ) для аграрных, радиотехнических, технологических, политехнических и федеральных вузов	Привлечение дополнительных инвестиций в регион для расширения и обновления производства, повышение инновационного статуса экономики. Формирование синергетического эффекта использования единой инфраструктуры сектора НИОКР и образовательной деятельности в регионе
Внимание кадровому обеспечению стратегий, в том числе в ситуации кризиса	Внедрение образовательных практик на предприятии (в рамках корпоративных университетов, обучающих центров) и в программы образовательных учреждений регионов (при организации корпоративных кафедр, целевом обучении и т. д.). Учебные аудитории КЗ «Ростсельмаш» — более чем в 40 ведущих аграрных образовательных организациях России (в рамках программы «Образование» на Юге России, включая Донской государственный технический университет. Корпоративные университеты — проект внутри компании («Ростсельмаш»). Членство в попечительских советах университетов Ростовской области (в ДГТУ — представители Промышленного союза «Новое Содружество» (ООО КЗ «Ростсельмаш») в числе других компаний). Создание базовых (корпоративных) кафедр	Повышение общей занятости в регионе, рост средней заработной платы населения, повышение общей квалификации трудовых ресурсов. Внедрение стандартов качества, улучшение социальных условий занятости, практик переподготовки кадров. Модернизация системы образования в соответствии с требованиями конкурентного рынка
Пространственная экспансия. Совершенствование продуктовой линейки (предложения товаров и услуг)	Слияния и поглощения, вхождение в капитал компаний за рубежом, в регионах РФ	Локализация производства новой продукции в регионе
Формирование новой институциональной практики	Содействие выработке приоритетов регионального развития, участие в формировании стратегий и программ развития региона	Формирование условий реализации предпринимательского потенциала компании, повышение результатов деятельности для регионов и муниципалитетов присутствия

РФ свыше 5,3 тыс. единиц сельхозтехники КЗ «Ростсельмаш» на условиях федерального лизинга (на сумму 25 млрд руб.). По программе обновления парка техники (ОПТ) 2.0 доступно для приобретения свыше 50 марок продукции. В 2018 г. приобретение техники аграриями через «Росагролизинг» выросло на 47 %; в 16 раз увеличился объем поставок по программе субсидирования, согласно постановлению № 1432 [30]. В 2019 г. объем нового лизингового портфеля планировался на уровне 24–25 млрд руб. В планы «Росагролизинга» вошел запуск специализированных программ технической модернизации для льноводства, виноградарства, овощеводства и садоводства.

В то же время значительное влияние на масштабность и устойчивость политики мо-

дернизации (компаний и секторов, с ними связанных) оказывают риски, продуцируемые нерыночными факторами (взаимодействие с государством). В частности, пример КЗ «Ростсельмаш» демонстрирует зависимость крупного бизнеса от субсидирования спроса. Так, обсуждение смены схемы финансирования АПК РФ в части покупки сельхозтехники аграриями побудило руководство завода заявить о возможных проблемах на предприятии в 2019 г.: отмена федеральной программы № 1432, по которой бюджет России выделяет отечественным производителям сельхозтехники средства, являющиеся скидкой на технику для сельского хозяйства расценена руководством «Нового Содружества» как фактор риска для стабильности производства. Скидка за

счет федерального бюджета достигает, согласно условиям программы, 15–20 %, а впоследствии — 25–30 %. Однако в 2019 г. обсуждалась новация, с учетом которой данная схема будет свернута в пользу льготного лизинга и льготного кредитования сельхозпроизводителей с 2020 г. Если на КЗ «Ростсельмаш» и Петербургский тракторный завод (ПТЗ) приходилось до 78 % финансирования по программе, то при новой схеме возможно сокращение доли рынка компаний. Сокращение поставок и прибыли рассматривалось КЗ «Ростсельмаш» как возможная причина отказа от строительства тракторного завода в Ростове-на-Дону.

Итак, изменчивость ресурсов государства для поддержки уровня субсидий и форм субсидий создают риски для компаний крупного бизнеса, полагающихся на государственное регулирование рынков. Кроме того, стремление государства содействовать развитию через управляемые процедуры (техрегламенты, субсидии, льготы и пошлины, прочие регулятивные меры) снижает и его заинтересованность в повышении качества инвестиционного климата (доверие, процентные ставки, защита прав, свобода торговли, контрольные функции, административная нагрузка), сокращая ресурсы гибкости компаний как основы реализации проактивных стратегий.

Таким образом, с учетом характерных особенностей проактивности как ресурса и фактора модернизации продуктивное построение стратегий модернизации может быть обеспечено формированием условий и ресурсов проактивности рыночных компаний. При этом функцией государства видится, с одной стороны, снятие барьеров для реализации гибкости стратегий бизнеса (обеспечение достаточного количества финансовых ресурсов, квалифици-

рованных кадров, новаций и обменов), с другой — ограничение роли преимущественно реактивного по характеру стратегий государственного сектора и государственного регулирования.

Заключение

В ситуации становления модернизационного процесса как инвариантного свойства современного развития формирование механизмов адекватной реакции на модернизационные импульсы (и потенциал их генерации) является ключевым условием глобального позиционирования и сохранения перспектив национальной экономики в изменяющемся мире. Проактивность, реализуемая бизнесом в целом и крупными компаниями в частности, — ключевой драйвер модернизации. В связи с этим экономическая политика должна в первоочередном порядке учитывать и формировать потенциал проактивности, обеспечивая условия гибкости в экономике, а также снижая административные барьеры ее проявления.

Для России потенциал крупных компаний (как правило, с широкой филиальной сетью) значим ввиду потребности в поддержании пространственной связности и обеспечении стратегического присутствия во многих регионах, в частности Урала, Сибири и Дальнего Востока. В контексте выводов исследования представляется существенным учет основных положений при выработке стратегий и программ развития не только отраслей и комплексов, но и регионов (преимущественно — базирования крупных производственных активов), ввиду модернизационного влияния крупного бизнеса на региональные экономические процессы и межрегионального интеграционного вектора.

Литература

1. РБК 500. Рейтинг российского бизнеса // RBC.ru. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения: 27.08.2019).
2. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Пер. с англ. М.: Прогресс, 1972. 768 с.
3. Леви М. Социальные модели и проблемы модернизации. М.: ЮНИТИ, 2004. 369 с.
4. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N. Y.: Free Press, 1958. 438 p.
5. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press. 1960. 179 p.
6. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 61–72.
7. Гидденс Э. Последствия модернити. Пер. с англ. // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101–122.
8. Неклесса А. И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. Вып. 2 / отв. ред. А. И. Неклесса. М.: Вост. лит., 2002. С. 109–142.
9. Сапожникова А. Г. Крупный бизнес в процессах модернизации экономики регионов России: ресурсы, стратегии, инструментарий: дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Д. 2018. 218 с.
10. Авдашева С. Б. Российские холдинги: новые эмпирические свидетельства // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 98–111.
11. Долгопятова Т. Г. Российские предприятия в переходной экономике: экономические проблемы и поведение. М.: Дело, 1995. 281 с.

12. Кузнецов А. В. Транснациональные корпорации в мире [Электронный ресурс] // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 2. URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire> (дата обращения: 10.05.2019).
13. Паннэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009. 423 с.
14. Радыгин А. Д. Эволюция форм интеграции и управленческих моделей: опыт крупных российских корпораций и групп // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2, № 4. С. 35–58.
15. Sharifi H., Zhang Z. Methodology for Achieving Agility in Manufacturing Organisations: an Introduction // International Journal of Production Economics. 1999. Vol. 62. No. 1-2. P. 7–22. DOI: 10.1016/S0925-5273(98)00217-5.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 263 с.
18. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / пер. с англ. М.: Смысл, 2002. 464 с.
19. Antoncic B., Hisrich R. D. Intrapreneurship: Construct Refinement and Cross-cultural Validation // Journal of Business Venturing. 2001. Vol. 16. No. 5. P. 495–527. DOI: 10.1016/S0883-9026(99)00054-3.
20. Gyulavári T., Kolos K. The Impact of Proactive Strategies on Market Performance in Economic Downturn: the Case of Hungary // “Convergence and Divergence in the New Europe: Marketing Challenges and Issues”: Proceedings of The 6th Emac Regional Conference. Vienna: Vienna University of Economics and Business. 2015. P. 36–39.
21. Nanavati A., Ahmed S. India-Canada Trade and FDI Bilateral Flows: Performance, Prospects and Proactive Strategies. New Delhi: Allied Publishers Pvt. Ltd. 2016. 236 p.
22. Business Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/proactive.html> (дата обращения: 09.07.2019).
23. Parker S. K., Bindl U. K., Strauss K. Making Things Happen: A Model of Proactive Motivation // Journal of Management. 2010. Vol. 36. No. 4. P. 827–856. DOI: 10.1177/0149206310363732.
24. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Избранные труды. Серия: Нобелевские лауреаты по экономике. Пер. с англ. М.: Таурис Альфа, 1997. С. 15–30.
25. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Пер. с англ. Челябинск: Социум, 2010. 418 с.
26. ФНС: Выездными проверками ежегодно охватывается лишь 1 % налогоплательщиков [Электронный ресурс] // RosInvest.Com. URL: <http://rosinvest.com/novosti/793544> (дата обращения: 09.07.2019).
27. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 19.07.2019).
28. Ростсельмаш [Электронный ресурс]. URL: <https://rostselmash.com/company/> (дата обращения: 19.07.2019).
29. Акционеры Ростсельмаша и губернатор Ростовской области обсудили планы на 2017 г. [Электронный ресурс] // Новое содружество. 2017. 10 февр. URL: <http://www.novoe-sodrugestvo.ru/ru/301005/3403/0/index.htm> (дата обращения: 20.04.2019).
30. Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. № 1432 // Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/70291682/> (дата обращения: 20.04.2019).

References

1. RBC 500. Rating of Russian business. RBC.ru, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (accessed on 27.08.2019). (In Russ.).
2. Myrdal G. Asian drama: An inquiry into the poverty of nations (in 3 vols). Transl. from Eng. Moscow: Progress Publ.; 1972. 768 p. (In Russ.).
3. Levi M. Social models and problems of modernization. Moscow: UNITY Publ.; 2004. 369 p. (In Russ.).
4. Lerner D. The passing of traditional society: Modernizing the Middle East. New York: Free Press; 1958. 438 p.
5. Rostow W.W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. Cambridge: CUP Publ.; 1960. 179 p.
6. Allardt E. The dubious merits of the modernization concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2002;(9):61-72.
7. Giddens A. The consequences of modernity. Transl. from Eng. In: Inozemtsev V.L., ed. A new post-industrial wave in the West: An anthology. Moscow: Academia; 1999:101-122. (In Russ.).
8. Neklessa A. I. The end of civilization, or the Zigzag of history. In: Neklessa A.I., ed. Global society: Cartography of the post-modern world. Moscow: Vostochnaya Literatura; 2002:109–142. (In Russ.).
9. Sapozhnikova A. G. Big business in the processes of modernization of the economy of the regions of Russia: Resources, strategies, tools. Cand. econ. sci. diss. Rostov-on-Don: South Federal University; 2018. 218 p. (In Russ.).

10. Avdasheva S. B. Russian holdings: New empirical evidence. *Voprosy ekonomiki*. 2007;(1):98-111. (In Russ.).
11. Dolgopyatova T. G. Russian enterprises in transition: Economic problems and behavior. Moscow: Delo Publ.; 1995. 281 p. (In Russ.).
12. Kuznetsov A. V. Transnationals in the world. *Mirovoe i natsional'noe khozyaystvo*. 2014;(2):6. URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire> (accessed on 10.05.2019). (In Russ.).
13. Pappe Ya. Sh., Galukhina Ya. S. Russian big business: The first 15 years. Economic Chronicles 1993-2008. Moscow: HSE Publ.; 2009. 423 p. (In Russ.).
14. Radygin A. D. The evolution of integration forms and managerial models: The experience of large Russian corporations and groups. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*. 2004;2(4):35-58. (In Russ.).
15. Sharifi H., Zhang Z. Methodology for achieving agility in manufacturing organisations: An introduction. *International Journal of Production Economics*. 1999;62(1-2):7-22. DOI: 10.1016/S0925-5273(98)00217-5.
16. Frankl V. Man in search of meaning: Compilation. Transl. from Eng., German. Moscow: Progress Publ.; 1990. 368 p. (In Russ.).
17. Covey S. R. The 7 habits of highly effective people: Restoring the character ethic. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Publisher; 2011. 263 p. (In Russ.).
18. Allport G.W. Personality and social encounter: Selected essays. Transl. from Eng. Moscow: Smysl Publ.; 2002. 464 p. (In Russ.).
19. Antoncic B., Hisrich R.D. Intrapreneurship: Construct refinement and cross-cultural validation. *Journal of Business Venturing*. 2001;16(5):495-527. DOI: 10.1016/S0883-9026(99)00054-3.
20. Gyulavári T., Kolos K. The impact of proactive strategies on market performance in economic downturn: The case of Hungary. In: Convergence and divergence in the New Europe: Marketing challenges and issues. Proc. 6th EMAC regional conf. (Vienna, Sept. 16-18, 2015). Vienna: Vienna Univ. of Economics and Business; 2015:36-39. URL: http://unipub.lib.uni-corvinus.hu/2076/1/Proactivemarketing_2015_Gyulavari%20Kolos.pdf.
21. Nanavati A., Ahmed S. India-Canada trade and FDI bilateral flows: Performance, prospects and proactive strategies. New Delhi: Allied Publishers Pvt. Ltd.; 2016. 236 p.
22. Business dictionary. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/proactive.html> (accessed on 09.07.2019).
23. Parker S. K., Bindl U. K., Strauss K. Making things happen: A model of proactive motivation. *Journal of Management*. 2010;36(4):827-856. DOI: 10.1177/0149206310363732
24. Buchanan J. Constitution of economic policy. Selected works. Transl. from Eng. Moscow: Taurus Alfa; 1997:15-30. (In Russ.).
25. Rothbard M. N. Power & market: Government and the economy. Transl. from Eng. Chelyabinsk: Sotsium Publ.; 2010. 418 p. (In Russ.).
26. Federal Tax Service: Field inspections cover only 1% of taxpayers annually. RosInvest.Com. URL: <http://rosinvest.com/novosti/793544> (accessed on 09.07.2019). (In Russ.).
27. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (accessed on 19.07.2019). (In Russ.).
28. Official website of Rostselmash. URL: <https://rostselmash.com/company/> (accessed on 19.07.2019). (In Russ.).
29. Rostselmash shareholders and the governor of the Rostov region discussed plans for 2017. Novoe sodruzhestvo. Feb. 10, 2017. URL: <http://www.novoe-sodrugestvo.ru/ru/301005/3403/0/index.htm> (accessed on 20.04.2019). (In Russ.).
30. On the approval of the Rules for the provision of subsidies to manufacturers of agricultural machinery. Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 1432. URL: <http://base.garant.ru/70291682/> (accessed on 20.04.2019). (In Russ.).